

УДК 576.8:595.14

ВОСПОМИНАНИЯ О ВЛАДИМИРЕ ЛЬВОВИЧЕ ВАГИНЕ

В.В. Хлебович

Зоологический институт РАН, г. Санкт-Петербург, 199034, Россия

Аннотация

Статья посвящена Владимиру Львовичу Вагину (1907–1984) – известному паразитологу и зоологу. Автор, опираясь на собственные воспоминания, отмечает отеческий стиль его взаимоотношений со студентами биологического факультета Ленинградского университета в конце 40-х – начале 50-х годов XX в. и ряд некоторых замечательных черт его личности. Не смотря на разницу возраста, В.Л. Вагина и автора связывали долгие дружеские отношения. Благодаря В.Л. Вагину автор стал зоологом-беспозвоночником и остается верен своему делу более шестидесяти лет. По мнению автора, зоология всегда взаимосвязана с физиологией организмов, осознание чего также пришло во многом благодаря мудрому совету В.Л. Вагина. Для лучшего понимания личности ученого представлены краткая характеристика обстановки на кафедре зоологии беспозвоночных ЛГУ в начале 50-х годов, где работал В.Л. Вагин, и штрихи к портрету ее заведующего В.А. Догеля. В.Л. Вагина выделялся среди других преподавателей кафедры трепетным и добрым отеческим отношением к студентам, находил время и силы на то, чтобы с каждым из них поговорить и по делу, и о жизни. Спустя много лет особенно глубоко понимается и ценится такое отношение. Следует сказать, что в то время основой воспитания молодого поколения учёных-зоологов на кафедре был большой практикум по зоологии беспозвоночных. Обычно редко кто из учащихся осваивал темы, выходящие за пределы изучения червей. За всю историю преподавания большого практикума его «до конца» прошли только несколько человек, в том числе и В.Л. Вагин. В 1957 г., став заведующим кафедрой зоологии беспозвоночных Казанского университета, он внёс новое в процесс подготовки будущих специалистов-зоологов – обязательную морскую практику, что также создало крепкий фундамент для развития исследований в области морской биологии. Именно этим он положил начало известной в стране «популяции» казанских моряков – зоологов и гидробиологов.

Ключевые слова: Владимир Львович Вагин, Ленинградский и Казанский университеты, кафедра зоологии беспозвоночных, морская биология

Биологом я хотел быть всегда. Это, конечно, было связано с тем, что когда мне не было и двух лет, отец, зоолог, ученик Константина Карловича Сент-Илера, был приглашён в качестве научного руководителя недавно организованного Воронежского бобрового заповедника, и все кругом было пронизано биологическими делами, разговорами и энтузиазмом нового времени.

В 1949 г. я поступил на биофак Ленинградского университета. Годом раньше прошла августовская сессия ВАСХНИЛ, принесшая так много зла нашей биологии. Но здоровые силы продолжали работать и в этих условиях. Запомнилась самая первая лекция, которую читал Валентин Александрович Догель, заведующий

кафедрой зоологии беспозвоночных. Она не была похожа на его последующие лекции курса, в которых он строго придерживался изложения материала по системе животного мира – от простейших до полухордовых. В этой первой для нас лекции профессор делился теми новыми фактами, которые его особенно поразили за прошедший год. На примере полного учета видов одного из регионов Германии было показано, что число паразитических видов больше числа свободноживущих; что везде почва буквально насыщена клещами-орибатидами; что в основе «выстреливания» спор микроспоридиями и сперматозоидов некоторыми раками лежат загадочные внутриклеточные «взрывные устройства».

Кафедр на биофаке и тогда было около двадцати. Распределение по ним проходило на третьем курсе, но на кафедрах и в среде студенчества приветствовалось определиться неформально раньше. В первый семестр я с тремя однокурсниками регулярно занимался на кафедре физиологии животных под руководством учеников Д.Н. Насонова, Б.П. Ушакова и В.П. Трошиной. Обстановка была творческой, доброжелательной, нас опекали и старшекурсники и все любили шефа, Дмитрия Николаевича Насонова. Но вскоре физиолог-цитолог Д.Н. Насонов был изгнан за менделизм-вейсманизм из Академии медицинских наук, и в университете над ним тоже сгустились тучи. Старшекурсники почти все уже погрузились в насоновскую науку, а нас, зелёных первокурсников, решили не подвергать искушению и заняли изготовлением нервно-мышечных препаратов лягушки и повторением на них классических опытов, которым было более полувека. Наверное, до сих пор могу быстро приготовить такой препарат хоть по-петербургски, хоть по-московски. А тогда мне становилось скучновато.

Каждая суббота у наших девочек была свободной, а парни занимались весь этот день на военной кафедре – из нас готовили командиров взводов. Почти все преподаватели были полковники, но уровень их был «ещё тот». Запомнился занесенный в журнал приказ за подписью полковника Некрасова: «Хлебович, будучи дежурным, был поломан стул». Но в целом мужская обстановка была весёлой, и особенно ценился трёп на перерывах.

И тут на наших перерывах в курилке стал часто появляться немолодой человек, которого мы иногда встречали на догелевской кафедре. Курил он трубку, заметно обгрызенную, говорил приятным баском, в нем было что-то морское, от авторитетного заботливого боцмана. Это был Владимир Львович Вагин. Он как-то естественно подключался к нашим разговорам и скоро знал, кто чем живёт. Как-то обращается ко мне: «Ну что, ещё не надоело лягушачьи лапки дергать? Иди-ка ты, братец, лучше к беспозвоночникам. Видишь по лекциям Валентина Александровича какие разнообразные эти бесхребетные. А ведь заниматься можно и их физиологией, не только смотреть, как они устроены».

Так я стал зоологом-беспозвоночником и таким остаюсь более шестидесяти лет. И всегда сохраняю большой интерес к физиологии организмов. Знаю, что это произошло по мудрому совету Владимира Львовича.

Обстановка на кафедре чем-то напоминала ту, с которой мы встретились у Д.Н. Насонова. Недаром Валентин Александрович сказал как-то нам со Львом Серавиным, когда мы посетовали, что на кафедре мало физиологии: «Так в чем дело, голубчики, обращайтесь по всем делам к Дмитрию Николаевичу. Я буду только рад».

В первый же день, когда ты определялся на кафедре, ты получал место за длинным, прислоненным к подоконнику, столом, вращающееся как для пианиста сидение, за спиной маленькую тумбочку и часть шкафчика. У строгой и справедливой лаборантки Александры Михайловны со словами «всячески беречь» получали оптику, посуду и реактивы. С этого дня начиналось действие большого практикума. В основе это была индивидуальная работа, начинавшаяся у всех с определения и зарисовок фораминифер. Дальше шли по системе. За всю историю большого практикума его до конца прошли только несколько человек. Из известных мне – мой однокурсник и вечный коллега Юра Балашов, В.Л. Вагин и умерший в блокаду А.П. Римский-Корсаков. Редко кто из студентов доходил до тем, выходящих за пределы изучения червей.

В процессе прохождения практикума учились рисовать, фиксировать, заливать, резать на микротоме, окрашивать, делать тотальные и гистологические препараты. Было принято всё свободное время, все окна между лекциями и занятиями проводить за большим практикумом. Каждый студент имел своего руководителя по большому практикуму. Всегда можно было обратиться к любому свободному преподавателю.

Из преподавателей Владимир Львович выделялся особой близостью к студентам и добрым отеческим отношением к ним. Почти с каждым он умудрялся поговорить и по делу, и по жизни. Нам тогда казалось, что такое бывает у всех и всегда, потому что так и надо. И только спустя много лет мы поняли и особенно оценили такое отношение. Теперь я понимаю, что особое, очень деликатное внимание Владимир Львович уделял иногородним – Лёве Серавину, Косте Фёдорову, да и мне перепало. Когда это могло быть, чтобы преподаватель, например, провожал первокурсника до дома, и обоим было интересно от беседы, почти на равных? Запомнилось, как мы с ним в полнолуние на набережной Невы пытались, вытянув руку с монетой, точно закрыть ею светило, чтобы потом по расстоянию до нее можно было бы вычислить ее диаметр, или по диаметру вычислить расстояние. Много позднее я узнал, что кое-кого из ребят Владимир Львович в трудное время иногда и подкармливал. Об этом мне говорили и старшие коллеги, бывшие студентами еще в последний год войны.

Мы привыкли к тому, что Вагин всё время с кем-то общается. И я даже как-то засомневался, а каков он в своих собственных делах. И вот однажды, придя на кафедру к началу рабочего дня, мы обнаружили в накуренной преподавательской погруженного в писание Владимира Львовича. Когда уходили, Вагин оставался за письменном столом. И такое продолжалось изо дня в день не один месяц. Результатом была докторская диссертация, тепло встреченная коллегами и успешно защищенная в 1950 г. Вот такой был стиль его работы, себя оправдавший.

После окончания университета и поступления на работу в Зоологический институт я часто заходил на факультет, благо расстояние между нами было недалеким. Благодаря Владимиру Львовичу удалось побывать в знаменитом Петровском зале, тогда абсолютно недоступном студентам и аспирантам. В это время Владимир Львович был ученым секретарем всего университета, и в знаменитом зале был его кабинет. Как ученый секретарь он работал в комиссии по искоренению в ЛГУ следов И.И. Презента, бывшего главным идеологом Лысенко. Тогда я специализировался по полихетам, и Владимир Львович показал

В.В. Хлебович и В.Л. Вагин. Картеш, Беломорская биологическая станция Зоологического института АН СССР, 1965 г.

мне изъятый у Презента неизвестно зачем ему нужный библиотечный двухтомник по этой группе аббата Пьера Фовеля.

Потом я надолго В.Л. Вагина потерял. Слышал о его переезде в Калинин-Тверь. Порадовался его переезду в Казань. На догелевской кафедре всегда с особым почитанием относились к казанским зоологам. Да и сами Догели приехали в Петербург из Казани. Очень уважительно говорили о Н.А. Ливанове. И мы, молодежь, видели в приглашении в Казань нашего любимца некое укрепление давних связей. Некоторых смущало, что Владимир Львович сразу же получал великие посты. Мы привыкли видеть его заботливым, почти родным боцманом, но не капитаном большого корабля. Среди многих выпускников ленинградской кафедры зоологии беспозвоночных при нас не было ни одного, у кого бы Вагин считался бы официальным руководителем дипломной или кандидатской работы. Поэтому при всем тёплом отношении к нему многие удивлялись смелости выбора Ливанова, пригласившего Владимира Львовича себе на смену.

В 1965 г., когда я работал директором Беломорской биологической станции Зоологического института, Владимир Львович привез к нам на морскую практику группу казанских студентов. С этого возобновилась наша дружба, тесно связанная с рабочими моментами. Владимир Львович был увлечен своей работой на кафедре, где он был не просто другом своих студентов, как раньше на догелевской кафедре, а истинным научным руководителем. В жизнь старой авторитетной кафедры он внёс новое – обязательную морскую практику и тем самым подготовку морских биологов.

По моему глубокому убеждению, нельзя вырастить специалиста зоолога без серьезной морской практики. И не только потому, что только в море встречаются некоторые классы и даже типы животных – фораминиферы, радиолярии, актинии, сцифоидные, гребневники, боконервные и головоногие моллюски, все иглокожие, полухордовые. Кроме того, многие свойства организмов, очевидно, могли возникнуть только в море и наблюдаются в наиболее простой и доступной изучению форме именно у его обитателей. Многие процессы, происходящие

в человеческой среде (физиология), возникли при взаимодействии древних организмов с морской водой (экология). Великое дело – объяснить всё это студентам в самом начале их деятельности при встрече с живым морем. Владимир Львович именно морской практикой положил начало известной в стране популяции казанских моряков – зоологов и гидробиологов.

Владимир Львович с увлечением рассказывал о своей кафедре, давал чёткие, добрые и прозорливые характеристики своим студентам, иногда с легким, как он любил, подшучиванием. В следующие приезды он всегда рассказывал об успехах своих учеников. Он не ограничивался беломорской практикой, а прошедших её студентов на следующий год активно внедрял в морские экспедиции на малых и больших кораблях, вплоть до знаменитого «Витязя». А на Белом море со временем казанцы под руководством Вагина, во многом благодаря его старым дружеским связям в Ленинградском университете, создали свою базу на острове Среднем, рядом с биостанцией ЛГУ. Каждый год коллеги-земляки подтверждают – «казанский дом» живёт. Своего рода памятник В.Л. Вагину!

В середине 60-х годов Владимир Львович был первым человеком, который выслушал всё то, что я сделал и надумал по концепции «критической солёности», наверное, главному делу моей жизни. Он потребовал от меня энергично взяться за написание докторской, и регулярно из Казани меня контролировал. В своих письмах он обращался ко мне – «крестник», а я соответственно к нему – «крестный». И до чего требовательны и заботливы были его письма!

В зимние каникулы 2012 г. моя родная догелевская кафедра отмечала своё 140-летие. На торжество собралось множество выпускников. На каком-то этапе образовалась немногочисленная группка «кому за восемьдесят». Конечно, все вспоминали нашего Патрона – Валентина Александровича Догеля, а также тепло говорили о нашем Владимире Львовиче.

Поступила в редакцию
24.07.17

Хлебович Владислав Вильгельмович, доктор биологических наук, профессор, главный научный сотрудник

Зоологический институт РАН

Университетская наб., д. 1, г. Санкт-Петербург, 199034, Россия

E-mail: khleb32@mail.ru

Memoirs of Vladimir Lvovich Wagin

V.V. Khlebovich

Zoological Institute, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, 199034 Russia

E-mail: khleb32@mail.ru

Received July 24, 2017

Abstract

This paper is devoted to Vladimir Lvovich Wagin (1907–1984), a famous parasitologist and hydrobiologist. Based on his own memories, the author emphasizes the paternal style of his relationship with students of the Biological Faculty of Leningrad University during the late 1940s – early 1950s, as well as some wonderful traits of his personality. Despite the age difference, the author and V.L. Wagin had a good friendship. The author became an invertebrate zoologist thanks to V.L. Wagin and has been holding true to his ideals for more than 60 years. According to the author's opinion, zoology is always interrelated with organismic physiology, which was inculcated by V.L. Wagin's wise advice. In order to better understand the personality of the researcher, the situation at the Department of Invertebrate Zoology of Leningrad University during the early 1950s, where V.L. Wagin worked, and some traits concerning the portrait of V.A. Dogiel who headed it are briefly described. V.L. Wagin distinguished from other professors of the department because of his reverent and very kind paternal attitude to students. He found strength for talking about science and learning, as well as life. The author especially appreciated this attitude many years later. The basis of educating zoologists at the department during that time was intense practical training in invertebrate zoology. Only a few students, including V.L. Wagin, managed to get through it. In 1957, he became the head of the Department of Invertebrate Zoology of Kazan University and modified the process of educating future zoologists, i.e., he introduced the obligatory marine practice, which, in its turn, formed a solid foundation for the development of studies in the sphere of marine biology. Thus, he laid the foundation of the Russian-known "population" of Kazan seamen, zoologists and hydrobiologists.

Keywords: Vladimir Lvovich Wagin, Leningrad and Kazan University, Department of Invertebrate Zoology, marine biology

Figure Captions

V.V. Khlebovich and V.L. Wagin. Kartesh, White Sea biological station of Zoological Institute, Academy of Sciences of USSR. 1965.

⟨ *Для цитирования:* Хлебович В.В. Воспоминания о Владимире Львовиче Вагине // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Естеств. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 3. – С. 361–366. ⟩

⟨ *For citation:* Khlebovich V.V. Memoirs of Vladimir Lvovich Wagin. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Estestvennye Nauki*, 2017, vol. 159, no. 3, pp. 361–366. (In Russian) ⟩